

Мацей Стрыйковский

**О началах, истоках,
достоинствах, делах рыцарских
и внутренних славного народа
литовского, жмудского и русского,
доселе никогда никем
не исследованная и не описанная,
по вдохновению божьему
и опыту собственному**

Часть I

DirectMEDIA

**Мацей Стрыйковский
О началах, истоках,
достоинствах, делах
рыцарских и внутренних
славного народа литовского,
жмудского и русского,
доселе никогда никем не
исследованная и не описанная,
по вдохновению божьему и
опыту собственному. Часть 1**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11823897

О началах, истоках, достоинствах, делах рыцарских и внутренних славного народа литовского, жмудского и русского, доселе никогда никем не исследованная и не описанная, по вдохновению божьему и опыту собственному. Часть I: Директ-Медиа; Москва-Берлин; 2015

ISBN 978-5-4475-3784-5

Аннотация

Вашему вниманию предлагается книга польского средневекового историка Мацея Стрыйковского «О началах, истоках, достоинствах, делах рыцарских и внутренних славного народа литовского, жмудского и русского, доселе никогда никем не исследованная, не описанная, по вдохновению божьему и опыту собственному».

Это произведение является несколько поэтизированной формой его хроники, которая вышла в свет в 1582 году в Кенигсберге. Ее издание оказалось первым печатным изданием, вышедшем на славянском языке, большей части территории Восточной Европы, которая охватывает территории нынешних Белоруссии, Латвии, Литвы, Польши, Словакии, Украины, Чехии а также бывшей Восточной Пруссии. Не очень мало место уделено Москве и Московии и истории Руси.

Содержание

Предисловие	12
Мацея Стрыковского «О началах, истоках, достоинствах, делах рыцарских и внутренних славного народа литовского, жмудского и русского, доселе никогда никем не исследованная и не описанная, по вдохновению божьему и опыту собственному» книги первые и так далее	15
Мацея Стрыковского «О началах, истоках, достоинствах, делах рыцарских и внутренних славного народа литовского, жмудского и русского, доселе никогда никем не исследованная и не описанная, по вдохновению божьему и опыту собственному» книги первые и так далее	32
Раздел первый	37
Более пространное свидетельство Флора о цымбрах, предках литовских, шведских, датских и так далее	45
Свидетельства Стадия 53 , Плутарха 54 , Деция55 с моим добавлением в нужных местах о цымбрах	47
Веденуто, первый король прусский и	59

тех земель, где Литва, Жмудь и Латвия, единодержавец, по старым хроникам цымбрийским, в году от рождества Христова 373	
О приходе итальянцев в Литву с Палемоном или, вероятнее, Публием Либоном и с дворянами римскими.	62
Первая причина прихода итальянцев в эти страны	64
Конец ознакомительного фрагмента.	73

**Мацей Стрыйковский
О началах, истоках,
достоинствах, делах
рыцарских и внутренних
славного народа
литовского, жмудского
и русского, доселе
никогда никем не
исследованная и не
описанная, по вдохновению
божьему и опыту
собственному. Часть 1**

Мацей Стрыйковский

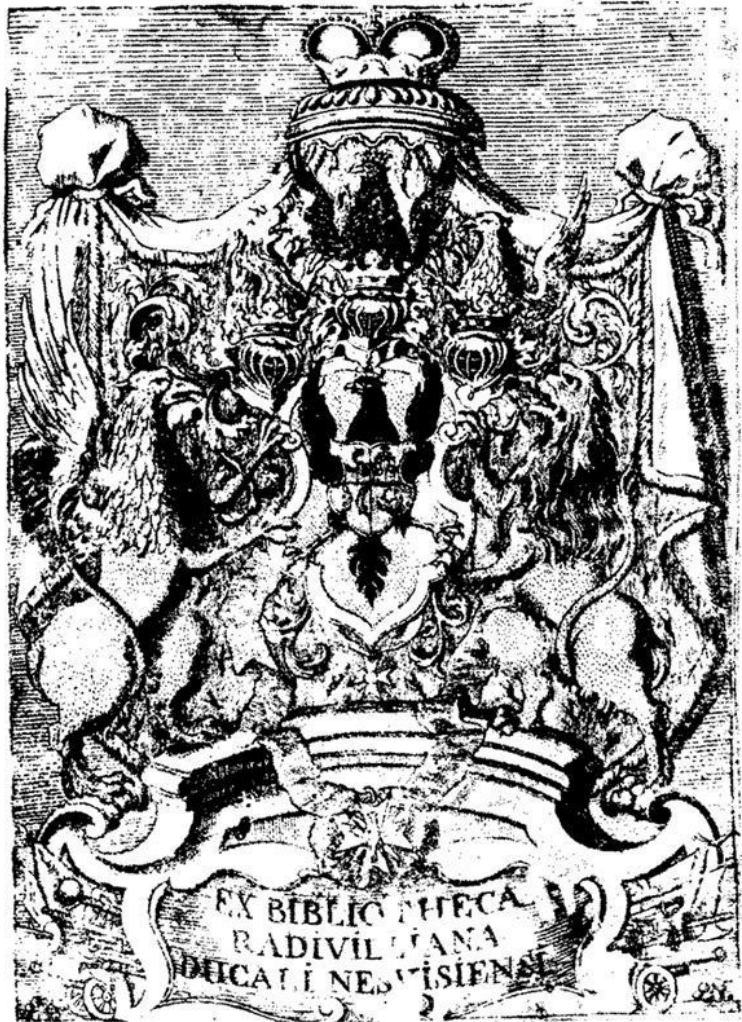

ФОТО КНИГИ

Która przed
tym nigdy świata
ci nie widziała.

Kronika Pol

ska Litewska / Z modzka / v wschn-
kicy Rusi Kriowaticy / Woskicwaskicy / Siewierskicy / Wol-
hinskicy / Pobolskicy / Pobjgorckicy / Podlaskicy / etc. A rozmaite przypadki
wojenne y domowc / Pruskich / Mazowieckich / Pomorskich / y inszych kraj
Krolestwa Polskiemu y Wielkiemu Kiestru Litewskiemu przyległych /
Według istotnego y gruntownego znieśienia pewnych dowodow z rozma-
itych historykow y Autorow postronnych / y domowych / y Kijowskich / Mo-
skiewskich / Sławiańskich / Litańskich / Pruskich starych / Dotąd ciemnochmur-
na nocą zakrytych Kronik / y Latopisczow Ruskich / Litewskich / y DLUGO-
SZA Dycy dzieiow Polskich z inszymi / z wielką pilnością y wszelką
pracą (Sfobliwie około Dzieiow Litewskich y Ruskich od
żadnego przedtym niekuszonych) Przez

MACIEJA OSOSTEWICIVSA STRIY-
kowskiego dostatecznie napisana / zlozona / y na pierwsze swiadeł o z wybadka-
nim prawdziwie dowodney starodawności własnym wynalezieniem /
przeważnym dochcípem / y nakładem nowo wydawniczym
przez wszystkie starożytnie wieki / aż do dzisiej-
szego Roku 1582.

A naprzód wszystkich ile ich kolwiek jest ludzkich na
Swiecie Narodow gruntowane wywodny.

Hasła y Privileciem Kro: J: M:

Drukowanow Krolewcu v Gerzego Osterbergera:

M. D. LXXXII.

ФОТО КНИГИ

Предисловие

Дорогие читатели!

Вашему вниманию предлагается книга польского средневекового историка Мацея Стрыйковского «О началах, истоках, достоинствах, делах рыцарских и внутренних славного народа литовского, жмудского и русского, доселе никогданикем не исследованная, не описанная, по вдохновению божьему и опыту собственному».

Это произведение является несколько поэтизированной формой его хроники, которая вышла в свет в 1582 году в Кенигсберге. Ее издание оказалось первым печатным изданием, вышедшем на славянском языке, большей части территории Восточной Европы, которая охватывает территории нынешних Белоруссии, Латвии, Литвы, Польши, Словакии, Украины, Чехии а также бывшей Восточной Пруссии. Не очень мало место уделено Москве и Московии и истории Руси.

Организаторы издания приняли решение не давать на страницах книги подробную статью и жизни и творчестве Мацея Стрыйковского. Пользуясь возможностями технологий XXI века, принято решение о выставлении большой ста-

тьи о его жизни и творчестве согласно статье подготовившей польское издание 1978 года Юлии Радзишевской на домашней странице переводчика на www.wladmoscownarod.ru/stryj.htm. . Здесь же даны лишь его краткие биографические сведения.

Мацей Стрыйковский был польским солдатом на службе у литовских магнатов. В свое время он был очарован Литвой. Это очарование стало источником его вдохновения на сбор материалов, который был использован в ряде произведений. Главным из них стала «Хроника польская, литовская, жмудская, русская», которая вышла по позволению короля в Кенигсберге в 1582 году. По окончании военной службы Мацей Стрыйковский завершил жизнь священником.

Переводчик выражает благодарность Анне Леонидовне Хорошкевич, Дмитрию Михайловичу Володину за подготовку к изданию и помощь в переводе с польского, Александру Васильевичу Назаренко за консультации по латыни, Дмитрию Вячеславовичу Громову за помощь в подготовке оригинал-макета, Юлису Бруклису (Вильнюс, Литва) за помощь при переводе фраз с литовского, профессору университета (г. Познань, Польша) им. Мицкевича Збыславу Войтковяку за консультации по старопольскому.

Свои отзывы об издании можно оставить в гостевой книге переводчика на, которую можно попасть через домашний сайт переводчика www.wladmoscownarod.ru, . или просто ему написав по адресу электронной почты на wlad@df.ru.

Итак, из века шестнадцатого – в век двадцать первый!

В. Т. Поляковский

**Мацея Стрыковского «О началах,
истоках, достоинствах, делах
рыцарских и внутренних славного
народа литовского, жмудского
и русского, доселе никогда
никем не исследованная и не
описанная, по вдохновению
божьему и опыту собственному»
книги первые и так далее**

Яснопочтенному и вельможному господину, пану Юрию Олельковичу¹ по милости Божьей Слуцкому из Великих князей литовских и киевских, князю и проч., господину своему любимому Мацей Стрыковский службу доброжелательно предлагает.

Никто лучше, основательней, полней и короче всей пользы истории, сладости и достоинств ее не охватил, Яснопочтенный и Милостивый князь, только он, который ее мастерицей или учительницей жизни человеческой именовал, Цицерон римский, князь красноречия. Ибо одно лишь слово,

¹ Юрию Олельковичу: князь Ежи Олелькович, меценат Мацея Стрыковского. Умер в 1578 г.

что история есть жизни человеческой учительница, заключает в себе и все добродетели и пользу опыта, давая знать, что вся жизнь человеческая к законам истории либо древней истории должна быть направлена. А когда я по сторонам смотрел и о замысле своем часто думал, то видел, что уже все народы христианские: греки, итальянцы, испанцы, французы, немцы, поляки, пруссы, лифляндцы, обитатели Московии, и, наконец, суровые и грубые народы, Магомета ошибочно придерживающиеся, далекие от наук свободных разных: татары, турки, египтяне, арабы и другие, по старанию и добродетели историков, хроники свои имеют, то есть начала, истоки, поступки, дела рыцарские и домашние народа своего ясно описанные и свету представленные. [3v] Видит и в руках держит каждый из них собственных достоинств славные образы и деяния предков своих со времен давно минувших как в зеркале прозрачном, и оттуда всем им слава исходит, и будущие приключения сквозь прошлые лучше просматриваются и хорошо исполняются.

И начала, истоки, дела рыцарские, почти геркулесовы войны одного лишь Литовского Великого преславного княжества, столь многих князей и мужей в основном умелых, королей, гетманов самой близкой родительницы, в слепой и темной ночи в полном забвении до сегодняшнего дня плесневеют, в пасмурной мгле глубоко погребенные. Мы же, подавленные наблюдаем за этим с печалью и унижением для всей Литвы. Потому я, Милостивый Князь, из побуждения

Божьего, которому все приписать должен, мыслью своей и осознанностью в науках свободных к славе бессмертной этого древнего государства служить задумал, поскольку много людей ученых, хоть вдоволь щедро литовским хлебом паслись, будучи в состоянии и умея [сделать сие], сим пренебрегли. Потому не ради даров Божьих и фунта, мне отмеренного, не ради подарков каких, а из самого расположения моего к тому государству, из искреннего трудолюбия и прилежания к описанию истоков и начал народа литовского и русского, о делах, умениях рыцарских и домашних, древних и нынешних поступках князей, и о размножении потомства и фамилий их либо домов древних я приступил.

Из искренности, мне присущей, скажу, что предпринятому труду сперва мешало то, что в начале столь великой истории, на многие века забытой и в прахе погребенной, вождя, которому бы следовал, не имел, ибо до меня этой дорогой никто никогда не ходил и не попробовал пройти. Потому [4] сперва добыл несколько русских летописей² о делах литовских. Но они были никчемные, беспорядочные, грубые, несовершенные, без истока и доказательной определенности времен. К тому же они более форму басни имели, чем истории, которой доводы правды нужны и были списанными и запутанными. В то время старая Литва более войны любила, людей столь смышленных и быстрых, и, кроме москов-

² Летописи: нет полной ясности, какими летописями пользовался Стрыйковский. На страницах книги нет названия ни одного списка или свода

ских, простых писарей не имели, и оттого их славные деяния погибли. Но Господь Бог, который меня к этой работе сам пробудил, Ясновельможный и милостивый Князь, сразу же мне подарил неких авторов древних, почти с небес сошедших, особенно Энеуса Сильвиуса Сененского³, который в тех странах северных легатом часто бывал от паплет двести назад, много вещей в тех краях описал. Затем Крантиуса⁴, Эразмуса Стеллу⁵, Мюнстера⁶, Себастьяна Бранда⁷, Каллимаха Флорентина, учителя сыновей Казимира Ягелловича, Винцентия Кадлубека, Длугоша, Бонфинуса⁸, Меховиуса⁹, Олаума Магнума¹⁰, Ваповского¹¹ и Кромера¹², нынеш-

³ Сененского – Эней Сильвий Пикколомини, позже папа Пий II, (1405 –1464), родом из Корсиньяно у Сены, потому Мацей Стрыковский назвал его Сененским.

⁴ Крантиус – Альберт Кранц (Крантц, Крантиус) из Гамбурга. Умер в 1517. Был автором нескольких популярных исторических произведений

⁵ Эразм Стелла – Эразм Либонотанус Штулер (Стелла) из Лейпцига, историк и медик. Умер в 1521. Из многочисленных работ этого автора Мацей Стрыковский знал «Книгу античности Буриссии»(см.важнейшие источники). Базель, 1521.

⁶ Мюнстер – Себастиан Мюнстер (1489–1552), автор произведения, в котором дано описание Польши

⁷ Себастьяна Бранда – Себастьян Бранд названный Титио, известный историк и поэт рубежа XV и XVI в.

⁸ Бонфинус – Антони Бонфини (1427–1502), известный историк. Был приглашен Мацеем Корвином в Венгрию, написал историю этой страны от возникновения венгерского государства до 1495.

⁹ Меховский – Мацей из Мехова Карпига (1457?–1523).

¹⁰ Олаум Магнум – Николай Олаус или Олагус, прозванный Магнум или Великий. Вероятно, однако, что Мацей Стрыковский имел в виду не ученого венгерского автора, а архиепископа Упсалы Магнуса Олауса и его произведение:

него варминского епископа. Они литовские, польские, московские либо русские, инфляндские, прусские и венгерские истории широко описывают, но так витиевато и так запутанно, к тому же без разделения книг, что читатель непривычный как в лабиринте без выхода заблудится и тоскливостью чтения утомленным будучи, устать должен. Потому я, Милостивый Князь, желая искреннюю правду истории на свет явно и добросовестно вывести, начал тех хронистов вышеописанных с искренним [4v] прилежанием регулярно изучать. И впервые в книге, которая названа мною «Гонец добродетели»¹³, совершил описание краткое начала начал и истоков, дел и князей знатнейших народа литовского. Лишь затем я увидел, что пребывание в чужих странах есть великая помощь пишущему историю, и подался в Турцию с послом, куда тот меня взял с собой помощником посольства приставленным, особенно в делах латинских. А когда при нас Зелим¹⁴, турецкий царь, в Константинополе умер, и сын его Амурат¹⁵, побив братьев, на царство вступил, взял я от

Historia de gentibus Septentrionalibus [...].

¹¹ Ваповского – Ваповский Бернард (ок. 1450 – 1535). Историк и картограф. Хроника его не была напечатана при жизни Мацея Стрыковского, зато известны карты, издаваемые в Кракове с 1526.

¹² Кромер – Кромер Мартин (ок. 1512–1589). Историк и картограф.

¹³ Гонцом добродетели – «Гонец добродетели к истинным шляхтичам». Одно из ранних произведений Стрыковского.

¹⁴ Зелим – Зелим II, турецкий султан в 1566–1574 годах.

¹⁵ Амурат – Амурат III, турецкий султан в 1574 – 1595.

него письмо с позволением, куда бы я хотел, я мог перебраться, и таким образом Грецию, Тракию, Болгарию и сербские, до этого могучие, государства посетил, хитростью Улиссовой все замечая.

Неразумно, за моря ходя, не отметить то, что я считал к пользе Речи Посполитой и к предостережению ее. Потому все, что я замечал, описал приличным стихом и, вернувшись в отчизну, отдал все написанное в печать, особенно книгу: «О праве Короны Польской и Великого княжества Литовского»¹⁶. И, сделав это, начал первым основательно хронику литовскую, русскую и жмудскую, которую до этого никогда не видел, большим трудом выводить, полировать и доказательно продвигать из закрытой и глубокой тьмы на свет.

Все древние истории литовские собрал и в эти книги, которые Вашему Княжескому Высочеству предлагаю, добросовестно поместил. Из них каждый сможет увидеть литовского государства и народа воинственнейшего начала, его размножения, истоки, упражнения, поступки рыцарские и домашние дела, истории [5] князей. Каким он был когда были готы и когда от них сыновья прусского короля Вейденута¹⁷: Саймо, от которого Жмудь, и Литво, от которого Литва

¹⁶ «О свободе Короны польской и Великого княжества Литовского и о суровом порабощении других стран под тиранским игом турецким». Краков, 1575.

¹⁷ Вейденута – легендарный властитель Пруссии. Имя его Мацей Стрыйковский приводит в очень большом количестве версий. Ср. Индекс. От имен его двенадцати сыновей выводит языческие названия земель Пруссии. Эти имена известны в разнообразных версиях.

с Латвией именованы, в те страны пришли, как затем, по каким причинам, как и когда по странному Божьему прозрению итальянцы с князем своим Палемоном¹⁸ либо Публием Либоном¹⁹ в эту северную сторону кораблями приплыли.

Увидишь ты, Ясноосвященный и Милостивый Князь, всех князей народа своего преславного. Говорю, что эти князья, которые не как язычники, но как наинепобедимейшие и наивоинственнейшие вожди и прародители великого этого княжества Литовского доказывали, умениями благородными во славе, и в титуле со славнейшими монархиями греческими и римскими сравнивались. Узнаешь тут, Милостивый Князь, Палемона из герба Колумнов, римского сената князя, в этот угол северный занесенного. Увидишь здесь Борка, Кунаса, Сперу²⁰, Кернуса²¹, Дорспрунга²² из герба Китаурусов²³, потомков римских и литовских князей, которые вам, наследникам своим, достаточно широкую отчизну оставили. Но их

¹⁸ Палемон – Палемон, римский патриций, который по легенде прибыл в Литву с 500 дворянами. Легендарный родоначальник литовской шляхты.

¹⁹ Либоном – Люций Скрибониус Либо, один из членов патрицианского рода Скрибонии, боролся против императора как вождь войск Помпея. Машей Стрыковский отождествляет его с Палемоном.

²⁰ Борка, Кунас, Спера – Боркус, Кунас (Конас), Спера, легендарные сыновья Палемона.

²¹ Кернус – Кернус, Кэрнус, один из сыновей Кунаса.

²² Дорспрунг – Дорспрунг, Довшпрунг, легендарный товарищ войсковый Палемона.

²³ Герба Китаурусов – герб с изображением, похожим на Кентавров: полуконь, получеловек.

славе недостаток историков помешал, что из дел их в древности стершихся едва часть небольшая нам известна. Увидишь также здесь Эрдивила, Мингайла, Скирмонта, Рингольта²⁴ в делах рыцарских князей литовских умелых и непобежденных богатырей.

Предстанет потом перед Вашим Князем Высочеством Мендольфус либо Мендог²⁵, король литовский, по решению [5v] Иннокентия IV²⁶, папы, и при Фридрихе Втором²⁷, императоре римском, коронованный, который литовское государство ваше от дани русской и неволи надменных крестоносцев прусских находчивостью и мужеством освободил и который войска их часто побеждал. Будут здесь удивляться читатели умениям большим Тройната, Лавраса, Маримунта, Тройдена, Витена, Гедимина и от него наплодившихся сыновей, которые удачную войну с крестоносцами прусскими и лифляндскими, с татарами, с поляками, Русью и с мазурами с большой хвалой мужественно чинили и с бессмертной славой народа вашего литовского границы неприятельские с оружием переходя, свои границы расширяли. Найдешь также здесь, Ясноосвященный Милостивый Князь,

²⁴ Эрдивила.. Рингольта – литовские князья.

²⁵ Мендольф, Мендог – Миндаугас, коронованный на литовского короля в 1253. Умер в 1263.

²⁶ Иннокентия IV – Иннокентий IV (Синибальдус Фесхи). Папа римский 1243–1254, наладил отношения с Литвой и согласился на коронацию Мендога.

²⁷ Фридриха II – Фридрих II, р.1194, король Сицилии, германский император 1220–1250.

предка и прадеда своего воинственного, того великого князя литовского, жмудского и русского Ольгерда Гедиминовича, от которого Ваше княжеское высочество народ и фамилию свою прямой линией с Ясноосвященным потомством ведет. Этот Ольгерд, после частых побед, над крестоносцами и татарами одержанных, Димитрию Ивановичу, московскому²⁸ князю, похваляющемуся, что литовское государство за один месяц мог разорить, факел зажженный из Витебска послал, ставя его в известность, что будет в Москве прежде, чем тот погаснет, и о замок его столичный копья разобьет. Без промедления сразу же он слова делом подтвердил, спешно с войском литовским неожиданным гостем под город Москву на день пасхальный притянулся. Взяв его, так этого «надменного князя» прижал, что тот с покорностью должен был милости, [6] согласия и мира просить. Там Ольгерд, отпустив ему вину, перемирие с ним заключил. Однако копья, как обещал, сам о замок московский сломал и границы литовские за Можайск, двадцать восемь миль от Москвы основал. Это деяние неук истории Витольду²⁹ фальшиво приписывают. Пожалеешь вновь, Милостивый Князь, что во славе обильной и столь мужественно заслуженной обижены и обделены оные

²⁸ Димитрию Ивановичу Московскому – Дмитрий Донской р.1350. Князь Московский с 1359года, кн. владими́ро-московский 1362, кн. звенигородский 1364, в 1380 одержал победу на Куликовом поле над ханом Мамаем.

²⁹ Витольду – Витольд, Витулт, Витаутас, сын Кейстута (ок.1352–1430). Великий князь литовский 1401–1430.

благородные князья умелые: Кейстут³⁰, интриган Любарт и Витольд этот, этот – говорю – Витольд Александр, который греческих, римских и карфагенских гетманов воинственным опытом превзошел. Ибо он тысячекратно над мощнейшими окрестными неприятелями победу одерживал. Он часто татар в начальном бою побеждал и с Тамерланом³¹, с оным могущественнейшим императором, который Баязета³², турецкого тирана, победив, его войска численностью двести тысяч взял в плен, ведь и с тем смел Витольд битву свести. Этот тоже крестоносцев прусских и ливонских мир просить заставил. Над московским князем двойную победу одержал. Ногайскую³³, перекопскую, заволжскую, крымскую, манкопскую орды татарские подчинил и царей им по мнению своему подавал и надменных с престолов сбрасывал. Увидишь потом, Милостивый Князь, Ягелло, великого князя литовского, которому поляки, народ свободный, корону и королевство с наследницей коронованной из-за его мужества предоставили. От него же рожденных: Владислава, ко-

³⁰ Кейстут – сын Гедимина, с 1337 князь троцкий, с 1345 вместе с Ольгердом великий князь литовский. Убит в Креве в 1382.

³¹ С Тамерланом – Тамерлан, Тимур Ленк, Тимур Хромой, создатель монгольской империи. Умер в 1405.

³² Баязет – Баязет I (Баязид) называемый «молниеносный», турецкий султан в 1389–1402 годах, сын Амурата I. В 1402 разбит Тимуром под Анкарой и взят в плен.

³³ Ногайская орда – названная так от Ногай, одного из вождей Золотой Орды, которой подчинялись земли на север от Черного моря.

торый был ужасом для турок и которыми вскоре был у Варны убит, Казимира, великого князя [бv] литовского и короля польского, который крестоносцев прусских основательно усмирил и мощь их надменную мощью погасил. Его же сыновья: Ян Альбрехт, в оружии Марсу подобный, король польский, и Александр, великий князь литовский, после них Зыгмунт и Зыгмунт Август, от него рожденный, короли настоящей набожности и святого преклонения, любители искренние и Речи Посполитой умножители могучие. Но чтобы дальше так многих князей литовских славно умелых и королей польских непобедимых перечислением не заниматься, этот порядок поступков их, из темного праха впервые на свет представленный, Вашему Освященному Князьему Высочеству, как умножителю и патрону добродетели, перед глазами кладу, среди которых также увидит Ваше Княжье Высочество, предков своих славных: Владимира Ольгердовича, князя киевского, Александра либо Олелька, Михайла³⁴, Семена, Базилия, либо Василия, и другого Семена, Олельковичей, также святой и славной памяти князя Юрия, отца Вашего Княжьего Высочества, по порядку, дела, поступки и умения рыцарские, из-за которых самих Семен Олелькович на Великое княжество Литовское был избран³⁵ в году 1456, при

³⁴ Михала – Михал Олелькович. За участие в заговоре против Казимира Ягеллона казнен в 1481.

³⁵ Был избран – кандидатура Семена Олельковича на трон Великого Княжества Литовского была выдвинута движением, которое было против Казимира Ягелло.

Казимире, хоть это из-за недоброжелательности некой стороны не вышло, о чем Кромер свидетельствует, lib. 24. Увидит здесь тогда Ваше Княжеское Высочество предков своих по прямой линии и деятельность их весомую и найдет в доме собственном примеры благородств разнообразных, которые из-за недостатка истории до сегодня в прахе зарыты лежали. Найдешь здесь, Милостивый [7] Князь, литовских мощных Геркулесов, красивых, умелых Гекторов, смелых Ахиллесов и постоянных Эпаминонд, Агезилаусов мудрых, мужественных Каннибалов и Улиссов, уловками хитрых. Предстанут также перед тобой князья литовские по фамилии твоей, куда более славные, мужественные и справедливые, чем Аристыды и Трояны расторопные, и более мудрые, чем Темиксолы³⁶, и другие, этим подобные, дела которых для других примером добродетели служат. А если Ваше Княжье Высочество обратит ум свой к оным своим древним предкам литовским, которых имя до сегодня в глубокой темноте, покрытой мраком, таилось, то увидит, что с вышеупомянутыми гетманами и князьями римскими и греческими не только в славе и в умении сравнивались, но их (если бы имели дел своих в то время писателей) превысили. Увидит также под твоим освященным титулом Милостивый Князь всю шляхту литовскую и русскую, от них идущих мужеством и поступками, не только князей своих и королей польских, но

³⁶ Мудрый Темистоклес – (в русской традиции Фемистокл) в этом перечислении автор демонстрирует свою классическую эрудицию.

и принадлежащих к твоей фамилии. Увидишь также народов размножение, многочисленные предоставления званий, титулов, владений, и предков своих, как будто из мертвых наново воскрешенных, и из илистой грязи на свет выкопанных, и будешь удивляться, – как бы все без добродетели историков в вечном забвении бы погибло. За это все граждане литовские, русские и жмудские должны благодарить и вечно перед потомством прославлять добродетель Вашего Княжеского Высочества. Тогда я этот труд тяжкий взглядом свежим, перед тем никем не испробованным, которым семь лет занимался³⁷, замыслил Вашему Княжескому Высочеству посвятить и под этим славным титулом Олельковичей на свет издать по совету мудрых людей, доброжелательных Вашему Княжескому Высочеству. Из-за многих причин решил я это сделать, из которых первой является та, что Вашему Княжескому Высочеству в последнее время освященным потомством наследником, продолжателем и настоящим потомком тех великих князей литовских в наставление для этого государства оставаться выпало, и Вы для всех по милости своей и по доброй душе, как и по счастливой судьбе благословлять, множить, радовать и расширять изволите и законную линию генеалогическую ведете. Вторая, что все другие дома, которые тоже происходят издали от князей литовских, утверждаются, и некоторые уже утвердились, и при Вашем Княже-

³⁷ Семь лет занимался – Мацей Стрыковский начал собирать материалы к этому труду в 70-х годах, закончил его скорее всего в 1578.

ском Высочестве отмечены еще быть могут. Третья, что завистливые неприятели дома Вашего Княжеского Высочества никак обрадованы не будут, и конечно, правдой побежденные, иначе, чем утверждали, должны признать эту, которую от меня получают, генеалогию Вашего Княжеского Высочества. Четвертая, что это все будет вечной славой и украшением освященного потомства Вашего Княжеского Высочества и похвалой бессмертной у добрых и добродетель любящих, и доброжелательных этому дому славному Олельковичей, ибо ни один никогда этой добродетели не утратил, которой Речи Посполитой полезные дела размножает и укрепляет. А какую и сколь большую пользу история домашних известий каждому хорошо устроенному государству приносит, никто сомнению не подвергает, ибо история, как и все другие науки, украшает молодых мудростью, расторопностью и являет образцы [8] правления, старых же и мудрых людей – примерами разнообразными, которые сами на себе испытали. А для менее мудрых опасности прошлых событий в предпринимаемых делах предостережением бывают.

Счастлив есть муж, когда чужим кажется испытание. Ибо чужие капканы меньше приносят вреда.

Потому один пример истории, как в делах домашних, как и военных, более весит, чем тысячи рассуждений мудрейших философов. И сперва история учит каждого сенатора, как бы мог он лучше править в Речи Посполитой, права и законы древние, предков прошлые обычаи, поступки и долж-

ности их из книг историков разнообразных выбирая, что более в исполнении приговоров и для мудрых и твердых решений сенатору знать нужно.

Эта же история гетману и вождю войск прошлых дел славных вспоминания и разнообразных примеров рыцарских изучение в проведении битвы помогают и более смелым делают, и научают, как проследить неприятельские поступки, как войска строить, выводить и вводить. Как солдат распри усмирять, как где лагерь ставить, как хитрости придумать, которыми чаще всего бывает неприятель разбит и побежден, продумать, как рыцарство боязливое усилить, как их в деле удержать, как на бой зажечь. И всем другим поступкам военным гетманы и ротмастеры из хроник и историй древних легко научиться могут. А поскольку более [8v] истории людей от непорядочных и мерзких дел к добродетельным делам склоняет, когда неописуемой охотой, хвалой и любовью к бессмертию в умениях честных мужей зажигает [js] той надеждой, что если будет хорошо и умело поступать, так о нем хроники потомкам свидетельствовать будут. Что если бы истории, которые свидетелями дивных вещей являются, были потеряны и в ничто обращены, то тотчас же жизнь людей от немого скота (который ничего более не любит, кроме наслаждения сиюминутного) едва ли отличалось и бессмертие души с добром за добрые дела воздаянием погибла бы. Ибо все дела человеческие до поры до времени во мгле и на тонкой нити висят, и быстро, либо злой силой, либо

нависшей старостью, уничтожены быть могут. Гибнут города великие, падают славные государства, как Спарта, Карфаген, Афины, Тебы, от которых сегодня в Греции (сам собственным глазом видел и по разоренным площадям ходил)³⁸ едва знаки стен разрушенных стоят. Сменяются государства, переходят от народов к народам монархии, нищают по прихоти случая королевства, в ничто обращаются сокровища. Но истории, за исключением, когда исчезновение народа ее опередило, не погибнуть никогда. Несомненно, дела и умения всяческие вечности и бессмертию отданы так, что в сердцах и в памяти простых, неученых людей могут на слух передаваться и помниться. Уже тогда, Ясноосвященный Милостивый Князь, согласно свидетельству людей ученых, такая большая польза и слава истории явно доказана. Не хочу Вас, Ваше Княжеское Высочество, [9] который лучше и умом своим понять может, более речью развлекать. Сейчас уже эту работу мою семилетнюю и те книги, которые в себе заключают историю, дела, умения и поступки, размножения славного народа литовского, русского и жмудского, Ваше Княжеское Высочество, своему Милостивому Господину с искренним уважением почести воздаю, приписываю и отдаю, как тому, который людям не напрасным, а славе бессмертной служащим, раз[п]множаться помогает и внимательно об этом заботится.

Видя это, старался я прилежно о том, дабы мог значитель-

³⁸ По их разоренным полям ходил – Мацей Стрыйковский в 1474–1475 принял участие в посольстве в Турцию, посетил тогда Грецию и другие страны.

но, хоть сам с ней еще незнаком, послужить бессмертной славе Вашего Княжеского Высочества. Потому и не сомневаюсь, что работа моя ов освященном доме Вашего Княжеского Высочества место иметь будет, как и в том, что с заботой Тразоны и Гранаты³⁹ Терентию достойная плата выделена быть должна.

Прошу во второй раз, Ясноосвященный и Милостивый Князь, дабы Ваше Княжеское Высочество эту доброжелательную работу мою, сделанную к общей и бессмертной славе всей Речи Посполитой Литовской, Русской и Жмудской, под опеку милостивую, заодно с автором благодарностью Артаксеркса⁴⁰, монарха персидского, (из-за которой самой вечно слывет) принять изволил. А Господь Бог, всех благ самый мощный даритель, пусть Ваше Княжеское Высочество с освященным потомством благословит, множит и хранит к особенной утехе этого Великого княжества Литовского на времена долговечные, дабы нам Ольгердов [9v] и Олельков, славное племя этих последних с почти оплаканных времен счастливо светило.

Вашему Освященному К[няжескому] [i] Высочеству учтивый доброжелательный слуга

Мацей СТРИКОВСКИЙ

³⁹ Тразонес Гнатонеск – фигуры хвастуна и паразита из комедии Теренция.

⁴⁰ Артаксеркс – А. Макрохеир, (Артаксеркс I Долгорукий, царь персидского государства Ахеменидов (464–425 до н.э.). Опекал изгнанного за пределы Родины Темистокла и осыпал его благодеяниями.

**Мадея Стрыковского «О началах,
истоках, достоинствах, делах
рыцарских и внутренних славного
народа литовского, жмудского
и русского, доселе никогда
никем не исследованная и не
описанная, по вдохновению
божьему и опыту собственному»
книги первые и так далее**

Воинов и мужей воскрешаю, которые из аузонского
Берега⁴¹ на парусных судах по воле божьей,
Приплыли через проливы датские Сундзы, твои
К порту жмудскому, где разбили шатры свои.
В этих страшных битвах Марса славлю кровавого
И рыцарей красивого воспитания истого,
Оружие гремящее и тревоги, мечи кровавострогие,
Жизни за Родину, за свободу дорогие.
О, Боже всемогущий, вечное всесилие,

⁴¹ Аузонский берег – Аузония, первоначальное название средней и южной Италии, заселенной аузонами (аурунками), затем поэтическое название всей Италии, выступающее у александрийских и римских поэтов.

Которое даешь правому духом, мудрости,
Изволь держать перо мое, дабы героев славных
Воскресить из праха, возводя их поступки давние.
Изволь осветить замысел мой и мглу темной ночи
Разбей, дабы скрытые вещи узнать могли глаза
И вернуть на свет, что погибло давно,
Для времен ветроногих переменной зависти. [10v]
Святому предприятию, к которому пробудил
Плохой стих мой, изволь тебе помочь, дабы ты не
выдохся
В больших делах и в трудных, где без тебя, господин,
Ученый мастер трудом измученный устанет.
Ты сам знаешь сердца человеческие и знаешь их
скрытность,
Знаешь, что за эту работу взялся я искренне.
Не дар меня к тому привел, ни жадность,
Лишь ты сам посредством меня воскрешаешь это
мужественное потомство
И если бы в чем сомневался, изволь сам приказывать,
Дабы смелых мужей слава не могла погибнуть.
Веди меня сам тропкой простой, дабы не заблудился,
Прошу, чтобы Ты слабым пером правил.
О Вы, музы, которые на Парнасе двуглавым живете!
И из геликонских источников напитки даете,
Помогите славить истории, темнотой закрытые,
Кровавых рыцарей, с литовским умением
Вооруженная Белона с Марсом, помощи внукам своим,
Дабы взяли плату достойную за дела свои,
Из-за которых под облака голову свою вознесли.

Альциды⁴², Ахиллеса и Гекторы пришли.
Ушли туда, где Феб выезжает и коней охлаждает.
Мужество их славное видится с каждой стороны.
От народов великих выдержали частые войны
Знает это Москва, татарин с Русью, крестоносец
вооруженный,
За что в отчизне целой живут безопасно.
Но тому не достается узнать, откуда же слава происходит
вечная, [11]
Что их отвага твердая в прахе лежит,
Так как сквозь историю каждый век как усталая тень
бежит,
Ты есть свидетелем древности, жизни учительница,
Всяких добродетелей и дел дивных пример и кладезь.
Без них муж счастливейший как зверь умирает
Ибо сразу же смерть век его вниз за собой увлекает.
Где Гаштольд, Кежгал, Вершул⁴³ с сокровищами
богатыми,
Забжезинские⁴⁴, Литовар⁴⁵ с государствами обильными,
Все как мгла прошли, и дел их не знаем

⁴² Альциды – потомки рода Алькайоса: Геракл, внук Алькайоса, тоже был Альцидом.

⁴³ Гаштолт, Кежгал, Вершул – представители знатных родов Литвы.

⁴⁴ Забжезинские – мощный литовский род XVI в.

⁴⁵ Литовар – вероятно Литавор, приставка к фамилиям некоторых литовских семей, например Хрептовичей, Борейковичей. Литавор был литовским князем, который в XIII в. боролся с крестоносцами, по преданию, отец Витенеса и Гедимина. Был фигурой легендарной, но Мацей Стрыковский знал и ценил легенды.

И едва, что здесь были когда-то, вспоминаем.
Где ваши святые дела, добродетельные Радзивилы,
Монивиды, где мужественные суть Ходкевичи?
Где сегодня Кишков, гетманов⁴⁶, достойная слава
И из Острога добродетельных князей мужественная
отвага погасла?
Где, из [z]Збаража⁴⁷, Вишневец⁴⁸, Заславля⁴⁹ князя
Где Сангушки⁵⁰ в войне удачной вожди,
Которые Отчизну своим твердым мужеством
Возвышали, за это сегодня суть сокрыты в темноте.
Также и оные великие литовские князя
В прахе лежат, едва из них Витольд отзовется.
И вот таких Витольдов тысячи в Литве были!
Что же потом, когда без письма все с ними сгнило.
В Москве Ольгерд копия сам о стену раскрошил,
Кейстут интриган и Любарт в Пруссии кровью пенился.
Они все приписывают Витольду,
Ибо ни один дел своих письмом не передал потомку,
[11v]
Потому что перо золотое еще не появилось,
Дабы героев литовских вечности отдать

⁴⁶ Кишков гетманов – Станислав Кишка, наместник лидский, стольник литовский 1491, маршалл 1493–1499, наместник смоленский 1500–1503, гетман 1504–1507, маршалл земский 1512–1513. Умер в 1513/1514.

⁴⁷ Из Збаража – Збараж с XV в. принадлежал семье Збаражских.

⁴⁸ Из Вишневец – Вишневец над Горынью. Замок на этом месте построил князь северский Димитр Корыбут, сын Ольгерда.

⁴⁹ Владислава Ягелло.

⁵⁰ Сангушки – княжеский литовский род.

Нас свинец⁵¹ пробуждает во второй раз.
Пусть он будет мериллом их достоинств и нашей славной
работы.

⁵¹ Мы свинцом – аналогично пишет Горницкий во вступлении к Дворянину польскому: «Если не Ожеховского золотым, но моим свинцовым пером». Выражение авторской скромности.

Раздел первый

Муза Гомера славит троянцев,
Греческое море, Нептуна и Марса приготовления,
Пусть Маро Энея, а Люций Римлян,
Славят, Насона с Венерой, раны Купидона,
Пусть другие с Гидрой славят войны Альцыда,
И ахилейские гробы щедро одаривает
И как Плутон Церезий был для яблок зятем,
Йовиш-Юпитер меняющийся дождем золотым был,
волом и лебедем,
Как Цирцея в дивные вещи людей превращала,
Как напрасно ласточкой над сестройлетала,
Филомену обесчещенную, которую стыд в соловья
Превратил, и сегодня радуется его голос путешественника,
Как он, ее насильник, тракийский король, стал франтом
Стал, а знак короны свидетельствует своим чубом,
Как Атлас мир поднимает с небом облачным,
Как сирены поют на море пеннистом,
Как Тантал яблоки страстно желает, жаждет воды,
И о твоём, Андромеда, с драконом приключении.
Как великаны хотели сбросить богов с неба,
У поэтов языческих узнает, кому это надо.[12]
Могли бы также о том сыграть с Аполином,
С цекропийским и твоей, Геликон, общиной,
Но я тут буду сразу писать дело правдивое,

Поскольку история, которую Цицерон мастером жизни
Признает, презирует повесть фальшивую,
Ибо нам примерами разнообразными дорогу мостит.
Она есть вождем добродетелей святых и достоинств
И предостережением от случаев, и дар вечности.
Без ее труда очень важные мужья в прахе забвения лежат,
Без истоков наших корней не знают,
Без нихпольские, литовские преславные достоинства
С русскими суть зарыты в повисшей темноте,
Потому я сейчас их грубым стихом своим славлю,
В истоке их, добродетельная Муза, с вами свое время
провожу.

Поскольку найдем Ахиллеса мужественных Гекторов
В Польше, Литве и на Руси их святых добродетелей
взгляды.

От бога давайте начнем, Бог всему началом,
Он все вещи создал в определенном порядке,
Он на небе засветил все звезды высокие,
Низкую землю создал и море глубокое.
Он сам планет установил ход,
И трещащие огнем молнии.
Небесных птичек, рыб чешуйчатых в водах,
Зверя всякого и бестий в различных красотах,
Потом человека из глины болотной сформировал.
Всем мощам его дал почести
И в райских садах цветущих его поместил,
Между деревьями, испускающими бальзама запах.[12v]
Там его усыпил сном сладко очарованным,
Мысля ему товарища дать в божьем совете,

Вынул из бока кость, девушку из нее сделал,
Дабы мир наполнили, сам их благословил,
Позволил им со всех деревьев употреблять плоды,
Только одно в потаенном месте сохранил в своей власти,
И погрозил им смертью, если понять не хотели,
Дабы румяных яблок не смели прикасаться.
Хитрый уж приполз к девушке предательски,
Говоря: «О, сколь большое счастье вам выпадет,
Когда этих сладких плодов с дерева попробуете,
А когда богу будет угодно, то добро быстро ощутите.
О, какое великое веселье увидят ваши глаза,
Которое вам бог заслонил в темноте ночи,
Стремясь, дабы мы на божество не были похожи,
Все зная о красоте той».

От этих предательских слов девушка сразу зажглась,
И жадной золотых яблок мысль разлакомила.
Мужа просит, в мокрой росе глаза,
Дабы вместе отведали яблок.

Сорвав, ела яблоко, муж от милой жены
Взял второе и попробовал, ее плачем растроганный.
И с этим страшная смерть на мир пришла строгая,
Работа тяжкая, болезни, немощь, боязнь с тревогой,
А не только этим яблоком оба подавились,
Но и потомство бедное в тот же самый грех втянули,
Что вскоре из благодарных были изгнаны садов,
В поте лица трудились для защиты от голода.[13]
Злая природа невинность оную в них изменила.
Сразу Каина, что убил Авеля, придушила.
И оттуда холопский Каинов порок народ имеет.

Тысячу двести сороклет так жили,
Как скот, без порядка в лесах размножались,
В первом веке, который шел до века Ноя,
От Адама, вплоть до дождя потопа страшного.
А когда Господь бог мир возмутил страшными водами,
То Ной сам, по его воле, с тремя сыновьями,
С Симом, Хамом и Яфетом, второй век основал
После Адама, мир вновь людьми полон размножился.
От трех сыновей мир на три части разделен,
Откуда европейские, азиатские и африканские страны,
В которых каждый свой народ отдельно основал,
Когда один туда, другой сюда от Бабеля путешествовал.
Гомер тоже, сын Яфета, со своими народами
Вышедши из Ассирии у Меотийской воды,
Размножил мужественных цымбров, аланов и готов.
Они заселили Танаим с понтийскими водами.
Лучшие потом ища места, зашли в те края,
Где Днепр, Волга, Двина, Буг, Нестр и Неман встают.
Другие же заселили Цымериум, Босфорум
И Таурику, где долго с греками вели бой.
Половцы с ятвягами, с аланами из их рода,
Где сейчас дикое поле, поселились к востоку.
В Скандии и в Лифляндии иные сил набрали,
И иные поля, где сейчас Русь с Литвой, наполнили.
Этих часть, однако, роксоланам уступить должна была,
Других холода и морские стихии выгнали. [13v]
Ибо в то время океан так разливался строго,
Что городов с селами, людьми, скотом погибло много.
Где сейчас шведские, лифляндские, жмудские, прусские

берега,

Так все пусто стало от морских разливов,

Что на несколько десятков миль наводнение царило,

И все быстрым насильем сильно испортила.

Но поэтическую речь вынужден прервать, ибо этому потопу свежее нашего века приключение дает доказательство: в господнем 1570 году, на следующий день после праздника Всех святых, ночью пришло такое тяжелое и неслыханное морское наводнение, которое, внезапно случившись, залило землю поморскую в нижней немецкой земле, земле брабанцкой, озерной, которую Зеланд нарекают, голландскую и фландрийскую землю, каждую из которых называют Фризия. А случилось это после тяжелых и продолжительных ветров. Для защиты от них берега морские дамбами с давних пор снабжены, дабы после обычного повышения воды после долгого дождя, внезапно выпавшего, вода не проливалась. Однако целую осень ветер средний между востоком и югом, непрерывно веял, перегнал воду морскую от тех стран к Англии и Гибернии, что ее как горы некие на себе держал.

Потом, когда утих, и обратный ветер возник, с большим напором вода, как с горы, назад бежала, которая и сама быстро шла вниз, и еще ее ветер, все более тугой, гнал от берега английского. Потому она так мощно напирала, что, перелившись через все дамбы, с большой силой их разворотила и, пробив себе вход на равнину, полилась в те страны низкой немецкой земли и так внезапно, что никто не сообразил,

отчего смерть неожиданная на людей и на скот свалилась. В Анторфе и в Герцогпусе, в Мерименде, в Мительбурге, в Грининге, в Амстердаме и в других главных и меньших городках на лодке ездить должны были. А некоторых домов только крыши были видны, особенно [14] в тех городах, как Дельфт, Дорт, Роттердам, там только шпили на башнях из воды выглядывали. Деревни около тех городов, из которых больше всего еды происходило, такой как наилучшие масла и нидерландские сыры, в воде затонули с людьми и скотом, ибо на равнине спасения те не нашли, поскольку морем все было снесено.

Земли голландской города и веси крупнейшие погибли с людьми и скотом, в частности, город Римский Вал, Дойкланд вместе с шестью деревнями утонули; весь уезд тольский, как город Сарпонес, Став (Пруд) св. Мартина, город с шестью деревнями. Тогда же с семнадцатью деревнями Бенфлет, Хиллернес, с восемью деревнями Сромслаг, Эсенес, Гентонес с четырьмя деревнями, Пулер с Пмером и четыре деревни полностью затонули. В Грининге, городе фрисландском, гетман испанский Герцог Альба (по тексту: Dua de Alba) основал крепость мощную, желая там замок укрепленный иметь. Но те, что там стражу держали, как и те, кто строил, все со строительством так провалились, что не узнать, что куда делось. Городу немного ущерба было причинено, но везде вокруг и люди, и скот утонули. Это приключение доводом стало, что такое случилось и с предками литовскими, жмудски-

ми, прусскими и готскими, что должны были дальше путешествовать из-за наводнения моря, при котором жили, как в то время можно было, ибо эти граждане с радостью отчизну поменяли. Так как в то время, кто куда хотел, туда и переселялся.

Из-за того готы с цымбрами, немцами, литальянами,
Ятвягами, гепидами, шведами, роксоланами,
Большинство их, из разных мест собравшись вместе,
Совещались, где бы найти лучшие места поселения. [14v]
Тащились, звериные набросив шкуры,
Как саранча, с огромными длинными копьями.
Всех триста тысяч, не считая жен,
Тянулись к западу, испытывая недостаток места.
Так потом аж до Рейна расселились,
За те земли зимой борьбу с немцами, с баварцами вели.
Но ними, однако, в союзе Францию покорили,
А потом в Испании долго бродили.
А когда цельтыберы оттуда их выгнали,
В итальянские щедрые страны вновь забрались,
Ибо в то время один народ после другого забирал землю,
Кто сильнейший, сеяли свое племя.
А когда у римлян не могли выпросить места,
Силой внезапной в их страну ворвались с мечом.
Частые войны с римскими гетманами имели,
Чего просьбой не могли, мечом добивались.
Папириуса сперва с большим войском разбили.
Сильвана, однако, со Скаурусом из лагерей выгнали,

Манлиус и Цепио тоже раз за раз были разбиты,
Отдали цымбрам победу римскую знаменитую,
Ибо восемьдесят тысяч влохов сразу пало,
Едва десять человек с гетманом удрало.
А за то, что такого поражения никогда не имели,
Цепиуса, гетмана, за это убили.

Более пространное свидетельство Флора о цымбрах, предках литовских, шведских, датских и так далее

Люций Юлий Флор⁵², римлянин, описывая историю и деяния римские в войне немецкой, цымбрийской или готской (от которых Литва издавна достоверно происходит), так говорит в третьей книге, в разделе третьем: «цымбры, [15] немцы и тыгурыне, из мест французских убежав, когда их землю океан затопил, новых мест по всей Земле искали. И, будучи изгнанными из Франции и Испании, собрались в Италии. Послали послов в лагерь Силановы, который был римским гетманом, прося тех, дабы люд рыцарский римский дал им какую-то землю – как бы как оплату службы – так, чтобы руку и мощь их по своей воле использовал. Но зачем, говорит землю должен был дать народ римский, когда трудом крестьянским пренебрегали. Изгнанными будучи, то, чего просьбами не могли получить, оружием решили добиться. Но натиска варварского ни Силанус, ни Манлиус, ни Саеріо выдержать не смогли. Все три гетмана с войсками были разбиты, из лагерей изгнаны, плохо бы было – говорит – если

⁵² Люций Юлий Флор – ошибочно названо имя Юлий, принадлежащее мало известному поэту Юлий Флору, приятелю Горация. Мацей Стрыковский имеет в виду Люция Аннея Флора, историка.

бы Марий не коснулся мешочком. Но и тот, хоть удачливым гетманом был, но не смел с ними сразу же встретиться, ожидая с римским войском в лагере, чтобы через некоторое время предприимчивость и натиск жестокого народа цымбрийского утомились.

Свидетельства Стадия ⁵³ , Плутарха ⁵⁴ , Деция⁵⁵ с моим добавлением в нужных местах о цымбрах

А Иоанн Стадий, fol. 125, In Commentario ad suppleendam historiam Flori concinnato так коротко пишет о цымбрах: цымбры и немцы, с острова, с трех сторон окруженного Цымбрийским морем, который Cimbrica Chersonesus⁵⁶ по латыни зовется, где сейчас королевство датское и о дитмарское, [15v] гользацкое и т.д., в год от основания Рима 640, а до рождения Иисуса Христа 100лет, собрались с соседями своими (как тот же Тацит и Страбо, хроники датские и шведские свидетельствуют), со шведами, с готами, с гепидами, где сейчас Литва и Латвия, с ульмигами, где сейчас Пруссия, половцами, где сейчас Подолье и волынцы⁵⁷ , с табанами,

⁵³ Стадий – Юлий Стадий, автор комментария к произведению Флора.

⁵⁴ Плутарха – Плутарх из Херонеи (Cheronei) (ок.50 – ок. 120по ТИ), автор, помимо прочего, популярных жизнеописаний славных мужей (Vitae illustrium virorum), Рим, 1470.

⁵⁵ Деций – Деций Йодок Людвиг (ок.1485 – ок.1545по ТИ), родился в Эльзасе, прибыл в Краков в 1507или в 1508 г., секретарь короля.

⁵⁶ Cimbrica Chersonesus – Chersones Cymbryjski, сейчас Ютландия.

⁵⁷ Волынцы – Волыняне, народ, живущий в верхнем течении Буга и Стыри; были покорены Владимиром Великим, а земли их включены были в состав Киевской Руси.

анаксобитами, омбронами, ятвягами, которые в то время, по Птоломею, в тех местах, где сейчас Брест Литовский, Люблин и Подлясье, жили. Двигались от океана Северного до Иллирика⁵⁸, земель словенских, из-за безвременья, холодов, неурожаев и потопа морского. Там в Иллирике, под городом Нортбея⁵⁹, Неиса Карбона, консула римского⁶⁰, который в то время этим городком правил, с войском победили и разгромили. Оттуда во Францию или Галлию, которая в то время римской власти служила, и в Испанию после этой победы обратились. А когда французы, испанцы и цельтыберы из земель своих их прогнали, то в Италию направились. Там места для поселения не могли у римлян выпросить, у Юлиана Силана, консула римского. Когда в третий раз римляне против них во Францию Марка Скауруса послали, то, поскольку войска истощились, побили цымбры итальянцев и французов. Четвертый гетман римский, Кассий Лонгинус⁶¹, на них обрушился, которого также Тыгурыне, товарищи цымбров мужественных на границе с аллоброгами⁶², землю эту теперь

⁵⁸ Иллирик – Иллирия, *Illyricum*, территория в восточной части Адриатического побережья, заселенная Иллирами. Тацит включает сюда Далмацию, Мезию, Паннонию.

⁵⁹ Нортбея – Нортбея, Норея, древняя столица Таурисков в *Noricum*.

⁶⁰ *Neiusa Carbona*, римский консул – *Pnaeus Papirius Carbo* (Гней Папирий Карбон).

⁶¹ Кассий Лонгин – Люций Кассий Лонгин, претор, затем консул в 10 г. до н. э. Разбит аллоброгами, погиб в битве.

⁶² Аллоброг – Аллоброги, одно из мощнейших и могущественнейших кельт-

савойским княжеством зовут, между Италией и Францией победили, самого гетмана Кассия Лонгина, и товарища его Люция Пизона⁶³ убили, и войска римские наголову разгромили.

Отправили еще римляне пятый раз гетманов трех римских во Францию[16] против цымбров: Квинтоса Цепиона, Кая Манилиуса и Марка Аврелия. А поскольку все три хотели войском командовать, когда Цепио себе первое место как от сената полученное присваивал, поругались во Франции. Потому и страну, и войска обособленно разделили. Услышав об этом, цымбры соединились с немцами, с тыгуринами, с амбранами или омбронами, происхождение которых Людовик Деций, когда писал fol. 35: *O familiey Jagielowej*, вывел из тех стран, где сейчас Люблин и Брест «*statum post Ombrones, id est Lubliensem Palatinatum*». Сразу же ударили на недружных гетманов римских цымбры, им большое поражение нанесли и победили так решительно, что восемьдесят тысяч рыцарства римского на поле пало. Калонов и ликсаров, их товарищей, сорок тысяч побили, и два лагеря римских цымбры, пруссы, датчане, шведы, омброны, подляшане и гепиды, предки литовцев, взяли. Консула Марка Аврелия взяли в плен и двух консульских детей убили. Поэтому народ римский, который давно на Цепиона зуб имел, после этого в новом несчастье обвинил и вину на него взвалил

ских племен в Галлии.

⁶³ Люций Пизона – Люций Кальпурний Пизон, консул в 107 г.

за это сильное, никогда доселе неслыханное поражение, ибо гетману такое иметь нельзя, плохо и недостойно с делами тот справлялся. Был он в темницу посажен, где и умер. Труп его на поле Гемониское⁶⁴, где преступников вешали и убивали, палачом был нагим выволочен и имущество его на общественные нужды (*Pospolite Rzecz*) взято. А цымбры и гепиды, предки литовцев, после этой славной победы потянулись через Францию, второй раз в Испанию, откуда их [16v] цельтыберы и выгнали, потом назад во Францию возвратились, а там с немцами и с амбронами, которые (амброны) были – если Децию верить – из Подляшья родом. Посоветовались и постановили между собой, дабы Альпы, горы, перейдя, Рим добыть и целую землю итальянскую удачным успехом захватить. Так тогда с тремя войсками порознь в Италию через горы, которые были обороной итальянской, двинулись, после славной победы через два года. Услышав об этом, Марий, гетман, с дивной скоростью войско против них погнал; вначале с немцами, у самого подножья гор в поле, зовущееся *Aquas Sexitas*⁶⁵, как пишет Флор, битву выиграл следующим образом. Когда немецкое войско около воды засело, римские солдаты упрекали Мария за недостаток воды. На это Марий отвечал: «Мужи! Вода у врагов. Идите, и возьмите ее себе».

⁶⁴ Поле Гемониское – Гемонская лестница (*Gemoniae scalae*), выбитая на южном склоне Капитолия, с которой сбрасывали в Тибр останки преступников, казненных в мамертинской тюрьме.

⁶⁵ *Aquas Sextias* – *Aquae Sextiae*, римская колония, сегодня Aix, недалеко от Марселя.

Сразу же с большой охотой, криком и азартом итальянцы на немцев, а немцы на итальянцев навалились. И так подрались, что когда итальянцы немцев победили, воду из реки смешанную с кровью должны были пить, и более крови, чем воды выпили. 150 тысяч немцев на поле пало, в первый и второй день, согласно Veleis⁶⁶, а Орозий⁶⁷ свидетельствует, что их двести тысяч было убито и восемь тысяч взято было в плен, а три тысячи с трудом убежало. Тевтобохус, король немецкий, который был так ловок, как четверо, временами мог с коня на коня перескакивать, тогда даже на одного, когда удирал, не смог вскочить, ибо при первом прыжке был взят в плен. А что был высокой красоты и могучего роста, это было отмечено, ибо, когда вели его меж иными знаками победы, в порядке боевом, [17] видно его было, над всеми возвышавшегося.

И наш Магнус, датский королевич, как я сам его видел, король лифляндский, московской коронации, если бы также дал Бог достать, стоял бы ростом высоким при том Тевтобане в победе. Цымбры с гепидами, и амброны, которые двинулись отдельным войском в Италию, услышав о поражении товарищей своих, немцев, которых тогда итальянцы тевтонами звали, а сейчас тудесками, не огорчаясь поражением и сохраняя уверенность в своей мощи и победе, пустились

⁶⁶ Veleius – Caius Velleius Paternus.

⁶⁷ Орозий – Павел Орозий, родом из Испании, (умер в 418 г.), написал несколько известных произведений.

всей мощью прямо к Норику, а потом через горы и скалы высокие, вопреки надежде итальянцев, переправились. А зима тогда была, удивляется этому Флор, историк римский, говоря: «Те уж (т.е. цымбры), кто бы – подумать только – тому поверить мог, зимой через Альпы, горы, которые от снега главами поднимаются, от вершин гор Тридентских в Италию, совершая нападение, поджигая и паля, вошли». Удивлялись итальянцы, изнеженные и девоподобные, что цымбры приняли решение к ним через нависшие скалы двинуться. Ибо те горы, которые сам узнал, невообразимо большими снегами всегда засыпаны. Мы в Болгарию в 1575 г. с большим трудом и опасностью, едучи к туркам, прибыли, так что наши кони каждую милю сдыхали, а сами пешком все, сколько нас было, независимо от чина, временами по пояс в снегу брести должны были. Иной временами падал по шею, и мы его должны были вытягивать. А когда с высокой горы падал комок снега, то прежде чем низа достигнуть, в снежный ком превращался, с самый большой дом размерами, ибо тогда так снег собирался, как дети эти комки в снегу валяют. А когда комья летят с гор, то ломают [деревья] и часто людей убивают. Как и гельветы, или швейцары, со стороны императора Карла Пятого раз [17v] так большое войско короля французского в горах итальянских побили, снег только с высоты скал на них и свалив, как только они оказались среди скал, и так их снежным оружием победили.

Нас так Господь Бог здоровых, кроме коней, перенес. А

то нам еще случилось перед пасхой за неделю, когда там уже лето бывает и у нас теплее. Но зима и снега в горах жестокие были. А зимой?

А это путешествие наше десять дней длилось из Тракии через болгарские Балканы⁶⁸ до Дунайца Мультанского, который там шириной в милю течет, Русцюком⁶⁹ городом и Дзюрджовым⁷⁰. Потому это приписал, что экспедиция многому человека учит. Non tamen poenitebit aliquando meminisse malogum. О плохом приключении, из которого разве что Господь бог помог бы выйти, сердцем жалость проявив, пусть он других принуждает рассказать. Но к делу предпринятому перо обращаю.

Значит, цымбры, гепиды и омброны были из наших холодных северных стран, которые зимой через Альпы терпеливо, как неожиданные гости, в Италию вторглись. Услышав об этом, римляне тотчас же Квинтуса Катулуса⁷¹, товарища Мария, с войском послали, дабы тот цымбрам горные перевалы закрыл.

Но поскольку он понял, что трудно будет в Альпах им противостоять, на равнину с войском отступил. А оба берега ре-

⁶⁸ Балханы – Балканы, здесь имеется ввиду болгарская Стара Планина.

⁶⁹ Русцюк – сегодня Русе, на правом берегу Дуная

⁷⁰ Дзюрджу – Джурджу, на левом берегу Дуная, напротив Русе.

⁷¹ Квинтус Катулуза – Квинтус Литатиус Катулза, консул в 102 г. Оборонял Италию от набегов германцев, которых победил совместно с Марием под Ver-cellae.

ки Atesis⁷² под Вероной занял обороной, мост для этого через реку построив, дабы его солдаты, если бы неприятель нагрянул с противоположного берега, могли легко к нему подойти. Но напор и мощь цымбров Катулуса с войском римским от Atesin, реки, отбили, так что должен был с римлянами удирать. Сам Марий тотчас [18] же из Рима против них выступил, и, прибыв на Падую, реку, войско свое с Катулусовым соединил. Цымбры через Атесин мощью и смелостью варварской брели без лодок и без мостов, а когда воде быстрой ни щитами, ни руками противиться не могли, то, вырубив большой лес, гать построили, и на берег против итальянцев, с криком и гулом страшным и с визгливыми голосами, цымбры переправились.

И, как пишет Флор, если бы с огромной скоростью продвигались к Риму, то была бы республика в страхе. Но в венедской стране, которую Стадий зовет *Partem Galiae Togatae*, которая с запада Атезисом, с востока Адриатическим морем, с юга – рекой Падусом, а с севера рекой Натисоном окружена, стали цымбры лагерем. А та земля все другие итальянские земли превосходит урожаем, условиями для отдыха, плодородными землями и погодой нежнейшей, и в ней наши обленились. А Марий им специально битву отложил, чтобы употреблением хлеба, мяса вареного, а также сладкого вина в роскошной земле порадовались да побаловались. На деле же действительно солдатам роскошь мешает, ибо в

⁷² Atesis – Athesis, Atesia, Addiga, Adyga.

ней наилучшие рыцари в девиц превращаются.

А потом наши милые цымбры, думая, что Марий боится, и, думая уже, как итальянскую землю захватить, послали к нему несколько раз, дабы он с ними встретился и день битвы назначил. Он предложил им битву на следующий день, время и место встречи, как Флор пишет, на широком и ровном поле, которое Клаудиум зовут. А Плутарх третий день от назначения битвы в Марио из «Жизни замечательных людей» пишет: «*tertio nonas sextilis in campo Vercelensi*»⁷³ [18v]. А когда обе стороны с криком и грохотом охотно встретились, Марий, уловки хитрые употребляя, победил цымбров, так что их сто четыре тысячи на поле пало, а сорок тысяч было взято в плен. Итальянцев третья часть этого числа убитых была, битва суровая в течение целого дня продолжалась. Эту победу, которую Флор богам приписывает, славную для всей монархии римской, самую громкую и самую святую (поскольку все перед цымбрами дрожали), Марий одержал не силой, а хитростью, построением войска своего, которое в жизнь воплотил как настоящий гетман, подражая при этом Ганнибалу, который римлян решительно при Каннах⁷⁴ разгромил.

Он поступил так: сперва подождал, пока в роскоши цымбры, как уже написал, разлежались и обленились. Потом день

⁷³ Campus Claudius et Verceilensis – ошибочное название поля битвы под городом Verceilae. Должно быть: Radium.

⁷⁴ Под Каннами: в 416 г. до н.э.

встречи выбрал мгlistый, чтобы на неприятеля мог ударить неожиданно, к тому же ветреный, чтобы песок, ветром и конями поднятый, в лицо и глаза врагам его летел. Выбрал себе после начала разгулявшегося ветра время приступа, солдат своих построил напротив восхода солнца, и когда мгла к полудню развеялась, а солнце ясно засветилось, сразу же от блеска оружия римского показалось цымбрам, что небо зажглось, а из-за сияния и лучей, в оружии отраженных, смотреть на итальянцев не могли. И тут каждый командир войска рыцарского может научиться мастерству построения войска, чего дальше [19], ниже читая, более повествование касается. А когда так победил и рассеял цымбров Марий, не меньшую повел войну с их женами, чем с ними самими. Ибо когда возами, колесами отовсюду мощно укрепились, на верху этого лагеря стоя, мужественно оборонялись, как из башен замка: копьями, палицами и разнообразными снарядами штурмующих били. Смерть их была еще более благородней, нежели битва. Ибо когда их итальянцы не могли добыть, вели переговоры с Марием только лишь цымберки, от которых литовки идут. Через послов передав ему условия, дабы их при свободе оставил (смотри, как девушки прежде за свободу боролись и ее придерживались).

Потом просили, дабы монашками могли быть согласно закону священному языческому, так как мужей их убили. А когда это не могли выпросить в этом лагере, то, подавив и умертвив всех детей своих, дабы в неволю итальянцам не по-

пали, сами себя потом мужественно до смерти секли. Другие, обрезав косы и волосы свои, крутили узлы, а сами на деревьях и на повозках все повесились. А другие мужественно итальянцев били и, не желая быть взятыми в плен, дали себя убить.

Этому деянию подобное найдешь у литавов, их сыновей, в замке Пуллена⁷⁵, в Жмуди, когда немцы завоевывали их при Ольгерде. Они также, подражая матерям своим цымберкам, жен своих и детей пожгли, а сами, на землю бросившись, убились, дабы в руки крестоносцам высокомерным [19v] не попасть. О чем Кромер fol. 23, lib. 12, Меховиус, fol. 233, lib. 4, сар. 22 писали. Но еще далеко от тех времен до нынешних, и возвращаюсь к делу. Белеус, король цымбрыйский, мужественно бил ряды итальянские, на поле битвы остался. На этом побоище потом из костей, как хроники шведские и итальянские пишут, мазиленсы, итальянцы, заборы около погребов устанавливали, а земля, кровью и жиром наполнившись, очень плодородной стала. Хорош был тот навоз! Тыкурыне, другое войско товарищей цымбров, были оставлены в Альпах. Те, услышав о поражении своих, разбежались в разные стороны. Также цымбры, и омброны, и гепиды, которых фортуна в этой войне в живых оставила, в разные стороны разбежались. Их было триста тысяч.

⁷⁵ Пуллена – Пуллен, литовский город, расположение которого точно нельзя определить. В Жмуди много названий с корнем pillis – город.

Так, литовец, прусак, швед и датчанин,
Имеешь тут историю о предках своих старую,
Которые пока вредной роскоши не знали,
Всегда римлян с большими войсками побеждали,
И в Риме поселиться уже надеялись,
Даже Мария потом из Африки вызвали,
И тот всей мощью римской цымбров разбил
И, троекратно побежденных, из Италии прогнал.
Из которых одна часть, что от битвы осталась,
В Германии осела, иные с народами разными смешались.
Другие в те страны пришли, где ныне жмудины и пруссы,
А другие, где датчане, лифлянцы, шведы.
Гепиды при Руси, где Литва, селились,
Другие в Балтийском море острова заселили,
Откуда изначально вышли, туда и вернулись,
А после этих путешествий труду учились.[20]

Веденуто, первый король прусский и тех земель, где Литва, Жмудь и Латвия, единоподержавец, по старым хроникам цымбрийским, в году от рождества Христова 373

Из тех готов Веденуто король в Пруссии царствовал,
Двенадцать сыновей наплодил, которых так именовал:
Литво, Саимос, Надро, Барт, Славос, Галинт, Кальмос,
Судо, Огос, Помезо, Натанго и Вармос,
После раздела государства каждый свою державу
Назвал, как наследство справедливое.

От тех в Пруссии: Натага, Бартенланд, Вармия,
Надравия, Кульма, Гогрланд, Помезан, Самбия,
А Зеймо Жмудь своим именем назвал,
В которой от курских озер по Двине царствовал.
Литво при Руси Литве прозвище дал,
И Латвию над Балтийским морем тоже размножил.
Половцы, где Подолия, с гепидами жили,
Ятвяги в Подляшье отчизну имели.

Умерли мужественно, удирать, хоть могли, не хотели.
Еще сегодня по Истерборг половцы от Райгорода,
Ятвягам тем наглым есть частично родня.

Холопы высокомерные, наглые, ибо и со мной

поругались,
Под их натиском я едва от смерти удрал.
Там на создание мне тех стихов от Фебуса охота была,
Калиопе и Клио мысль мою грустную тешили
Деревня Дзивин, городок Крос сохраняют знаки
присутствия ятвягов,
И в новгородских волостях потомство их знают[20v].
Литва, Латвия, пруссы вместе с готолянами
Жили, как и сейчас, при Руси с аланами.
Определенности своих поступков письменно не дали
Ибо лучше разбирались в саблях, нежели в письме.
Но это был один народ: Литва, Курляндия,
Латвия, Жмудь с ятвягами, половцы, пруссы.
Отчего сегодня общие границы, один язык имеют,
Одежды и обычаи об этом же скажут.
И сегодня аж за Крелевцом слышен этот литовский язык,
В Латвии, в Курляндии, в Пруссии, почти одни слова.
В Самбийской и Струсской волостях этот же народ живет,
Тем самым о близости Литва с Пруссией, давно говорят.
Птолемей в тех странах исток различных народов
Кладет, из разных мест их приход и дела:
Галинды, карыйоны, генимы, содимы,
Марсагаты, стабаны, аланы, бодины,
Тех сегодня нет и знака, ибо перемешались,
А со временем и место, и язык меняли,
Что сегодня Латвия разный язык с Курой имеет,
И Жмудь с Литвой немного языком разнятся.
И из готов народы великий исток имеют,
Которых историки странно прозвали,

Аланы тоже из их рода, при море живя,
Литаянами назывались, ли-тла-лян слагая.
Но скорее Зеймо Жмудь окрестил от себя,
И Литва также, литовцы имеют имя от себя.
Как от Леха – ляхи, от Чеха – чехи,
Русь – от Руса, от Пруса пошли пруссы.[21]
В прусских историях Эразм Стелла так говорит,
И Деций в «Древностях польских» с этим согласен.
Как кто хочет, пусть излагает, если писание не мешает,
Нопослушай, как итальянский народ здесь себя ведет.

О приходе итальянцев в Литву с Палемоном или, вероятнее, Публием Либоном и с дворянами римскими.

Мнения, цели, доводы и причины разные

О разных пишу причинах и разных мнениях,
Римских мужей в страну литовскую путешествия под
парусами.

Как по пенистому морю и земле пешеходной
Мыкались, собственность ища свободную.

Муза, вспомни давние времена! Зачем бы милостивый
Меценат мог предков своих узнать исток истинный.

Меценат, без которого парнасские родники
Высохнут и сады увянут, Геликон, твои.

Ибо знаю, что велика слава стихов Гомера,

Мне нужны и большие ритмы Маронови,

Не смею без весла искушать Нептуна,

Орионова где только взялась благодарная струна,

Однако, добродетельное рыцарство мой плохой стих
полюбило,

И их ради с веком искренне обвенчался,

Крылатой славе отдать мужественные их деяния

Хочу и из праха вывести на поверхность для достойной

ЯСНОСТИ.

Первая причина прихода итальянцев в эти страны

Испанская история первую причину дает,
О засухе в той стране на западе известно.
В Италии, в Сицилии, в королевстве испанском
Дождя не было многолет. Наверняка, из -за божьего
гнева. [21v]

Пылающий Сириус пашни крошил на куски,
И в реках вод не было у чешуйчатых рыб.
Года, смерть приносящие, людей и зверей мучили,
А от бледного голода иссякали силы.
Измученные леса и пашни голодными стояли,
Хлеба колосья сгоревшие людям не давали.
Дары Цереры высохли, в виноградниках – Бахуса,
Не найти было в садах сторожа Приапа.
Все с пропитанием связанное, с виноградниками
Выжжено огнедышащим солнцем с корнем.
Оттуда большинство людей зимой, в северные Трийоны
Отправилось, родные оставляя стороны.
И как готы, аланы, гепиды с цымбрами
Были изгнаны из этих стран наводнением,
На запад, в западные и северные страны.
Из-за засухи туда пришли. Бьюсь об заклад.
С Эурусом глухим Нотус соленые гонит валы.
Палемон, князь римский, по прозвищу Публий

В западных странах, удрученными будучи засухой,
Желая народ свой сохранить и домашних богов,
Должен был дальше плыть от этой тревоги.

И так с пятьюстами людей, итальянцами, дворянами,
И патрициями из сената римского,

Из отчизны своей плывя морем Средиземным,
Прибился в западный порт с ветром приятным,

А когда Гадес, Испанию с Лузитанией минул,

К порту английскому удачно приплыл

И мыслил там бы высадиться, но море штормовое

С Эурусом воинственным паруса взяло во власть.

Вал за валом пенистым с шумом бьет,

А северный с западным ветра страх все больший
навевают.

Вот кривые якоря из грунта вырвались,

А паруса в северный край ход свой направили,[22]

Палемон на запад хотел, ветры не слушаются.

Шум морской, что команда уши затыкает,

Временами их вал пенистый под небо заносит,

Порой будто в Ахеронские глубины упадут на самое дно.

Крик мужчин, биение весел, гулы валов шумящих,

Страшные киты и дельфины, вокруг судов скачущие.

Итальянцы кричат: «Нептун, из-за чего на нас бурей
обрушился неожиданно,

И уставшим раздираешь уже порванные паруса?»

Ты бы видел тревогу, которую там испытали,

От работы спасая здоровье, иные уставшими
притворялись.

Иные с кораблей валы выливали,

Иныепаруса латали и дырки досками сбитыми [22v]
С громыханьем шквал бури, море с вихрем страшным,
А Фебус скрылся в небо с возом златоясным.
После Эол ветры из темной достал горы,
С Эурусом глухим Нотус соленые возмущает валы
Субсолян, Цирцей, Вультурн тоже с ними.
Цеций темнохмурый с облаками черными
Теребят ветра, которые дружно вызвали непогоду,
Вспльчиво поднимает гулкие морские волны.
Африку уже прибил под фландрийские скалы,
Которые голубых облаков верхом достигали.
Аквила их же поднял в вихрях прожорливых,
Где смерти были страхи страшные.
Облако потом тучное, бурю неся, влекло,
А дождь внезапный с градом и с молнией лило.
Весь в темноте почернел океан шумящий,
Отчего люд римский отчаялся, в неприятных
предчувствиях дрожа.
Но их хриплый ветер прибил под шотландские скалы,
Которые звуками ветров упорно шумели.
Палемон на мостик вступил, сам ведет корабль,
Пробуждая к труду других, от скал направляя
А потом, вознеся в небо заплаканные глаза,
И руки ломая, тяжелым веслом натруженные, сказал:
«О, как семикратно счастливы они,
Кто в отчизне лежит погребенный!
Счастливейшие те, кто пред глазами предков полегли
В мужественном бою, когда права римские стерегли.
Лучше, чем из-за бури было здоровье потерять,

И славу бессмертную потомкам оставить».[23]
Потом утешал своих: «О, мужественные – говорит – о,
товарищи мои!,
Не тревожьтесь, ибо гнев Нептуна когда-то закончится.
Сохраняйте спокойствие и спасайтесь. Во времена
счастливые
Не помешает вспомнить приключение, полное забот».
Когда это сказал, вихристые валы понеслись,
Киты к штурвалу отчаянно рвались,
Хребты которых, вознесенные кверху,
Будоражили парусоносное море.
Потом дракон, огнистыми глазами сияя,
Плывет, морскою пастью страшной зевая.
Цетус из иной стороны пришел, вздымаясь,
Римские со всех сторон тревожа невыносимо суда,
Римляне, даром что сильные, в них не стреляют,
Копьями от судов другие отгоняют.
Так, когда оружием никаким отбиться им не удалось,
Картины бестиям метали,
Ими позабавились киты прожорливые,
Ибо их изображения были так похожи на живых.
Там увидел бы римлян, правильно нарисованных,
Давнюю историю и войны знаменитые.
Как Эней Турнуса победил Марсом кровавым,
И, Лавинию взяв, стал королем правильным, законным.
Как Ромул основывал, Рим, стены твои,
И как из-за Сабинны кровавые часто начинал бои.
Другими картинками, в большом числе выброшенными в
море,

Дивам морским мило играть.

Этой уловкой римляне ушли от страшной опасности,

И Титан показал головы луч ясный.

Дальше их паруса несут в Северные стороны,

Пришли в порт Дитмарсии, издавна заселенный. Солнце погасло.

Итальянцы на берегу зеленом

Уселись, отдых давая членам, в трудах утомленным. [23v]

Ночь была, и Палемон сладким сном усыпленный

Лежал, стесняясь прошлых тревог.

Те, которых вывез из Италии, домашние боги

Сквозь сон его утешали в ласковом разговоре:

«Князь славный, мы тебя всегда стережем

И отгоняем тревогу твою каждую.

Мы сюда из Италии тебя ведем через пенистые воды,

Желая тебе с великими потомками размножить народы.

Но здесь не задержишься, дальше должен плыть,

Ибо пророчеству божьему тебе нужно служить

Счастьем тебя злое наградить хочет тиранство,

И обильную, щедрейшую дать отчизне твоей вотчину.

Есть земля долинами очаровательными украшенная,

И щедростью еды нет на нее похожей,

И сама Церес, кажется, в ней должна быть рождена.

Пруссией, Русью, Мазурией, Лехией ограждена.

Государство славное, боевое, в котором с давних времен

Ветвистых, зверями полных, много лесов.

Гепиды там, потомки готов добродетельных, живут,

И без начальства в лесах, в пущах густых слоняются

Это тебе с землей бог дает, своей судьбой ласковый,

Похожее из непохожих делает.
Встань, и паруса ветрам доверь! Сам их бог ведет
И быстро на увиденный берег тебя доставит».
Сорвется вдруг Палемон, о видении рассказывает,
Которое астроном объясняет,
Говоря, хоть невозможно итальянцам те края
Заселить, и нам сам Бог волю свою через посланца
передает,
Бога при этом должны слушать, достаточно мыкаемся,
Потому пренебрегать тем не нужно, что богами дано.[24]
Убедившись в этом, сразу же все паруса поднимают,
И от дитмарских берегов суда отчаливают
В большое море ушли, уж берегов не видят,
Воздушные корабли с вала на вал скачут,
Астроном их компасом точно ведет,
Кормчий тоже к датскому порту умело направляет,
Так их ветра в датский Сунд тесный пригнали,
Сразу же западные, северные ветра встали,
Прибились точно к порту прусскому,
Что по воле божьей близ озера курляндского,
Потом Нептун, с трезубцем успокаивая море, летит,
Эол ласковый запер ветра в темнице
Итальянцы радуются, как будто вновь родились,
От оной тревоги быстро воспряли
Уже погожий ветер паруса распятые гладил,
И воздух ласковый Феб шлифовал
Все противоположные ветра сразу же прекратились,
Дельфины тоже с радостью по морю играли
Издали Палемон лес увидел зеленый,

С моря и берег горами криво огражденный.
Воскликнул голосом радости: «Вот обещанная
Земля, вижу, светится, нам богами данная!»
После этого суда бегут, быстро опускают паруса,
Дабы не разбились вдруг, к берегу пригнанные,
Там Гилию, Немана устье увидев,
Гребцы проворно веслами работают, прямо пустившись,
Где быстрым путем в море, песок неся, впадает
И птиц щебечущих над ними большое число кружится,
Леса с обоих берегов темно заросшие,
И ручьи из лесов вытекают ясно прозрачные
Так Неманом плывут вверх. Удивляются воды,
Незнакомые на себе неся народы,
Удивляется и Неман, волнами возмущенный,
Неся своим течением итальянские, непривычные суда.
Удивляются и леса гостям невиданным,[24v]
Оружью блестящему и судам римским рисованным.
Удивились и рыбы, по воде скача,
Умолкли и птицы, новых людей видя,
И в полях низкие холмы, в которых в оные времена
Гепиды от потомства готов порой жили,
Тут и там по горам в лесах множились.
Римляне суда далее ведут, и вдруг увидят
Людей каких-то дикарей, а они по берегам скачут,
Другие лык из деревьев режут, обувь из него делают
Иные из луков зверей в лесах для прокорма стреляют,
Все в лыковой обуви, в выделанных шкурах,
Вдруг увидели суда с парусами,
И из лесу выходят. С Немана сразу в тревоге

Внезапно в пущи темные пустились ноги.
Испугались сильно, когда в первый раз суда
Увидели и паруса развевающиеся,
Как дикие в свои пещеры разбегаются.
Итальянцы им напрасно – «Останьтесь», – кричат.
Как ловцы по лесу зверь гонят,
И оленей быстрыми борзыми со всех сторон травят
Оные стремительными обороняются ногами,
Рассыпаясь тут и там перед ловцами,
Как серны с высоких гор на борзых смотрят,
Как они, в шкуры свои прячутся,
Так тоже тот люд от итальянцев убежал врассыпную,
перепуганный,
Видя то, чего никогда не знали в их стороне.
И вдруг первый корабль встал,
Так как далее мели, не мог их Неман вести.
Потом все встали, на берег высаживаются,
И богам своим родным благодарность возносят. [25]
Палемон удивляется незнакомым странам
С итальянцами своими, и новым в плавании обычаям,
Ибо люд грубый, лесной, по полям блуждает,
Трудно с ними стговориться. «*Ka, kur, keip, ku^o*» –
болтает.
И итальянцы удивляются, по пустошам ходя,
И к дружбе гепидов призывая,
Оные тоже, видя гостей к себе ласковых,
С итальянцами знаками какое-то общение заводили.
Как некогда Эней, даже не надеясь
Цеплял якорем африканский берег,

Где его красивая в Карфагене приняла Дидона,
Так тоже литовский народ принял Палемона.
На берег жмудский придя, увидел зубров стадо,
И оленей, которым войско итальянское радо,
Палемон сразу лук взял с быстрыми стрелами,
И убил трех, что этих стад вожаками.
Урсын, Колумна, Проспер восьмерых подстрелили,
Половину которых на обед между всеми поделили.
Одни со зверя шкуры снимают, другие на куски режут,
Те пекут, другие котлы с водой ставят.
Там же на кривом берегу лагерь основав,
Неожиданным отдыхом от трудов усилившись,
Дальше пошли, заметили волов стадо большое
И шерстеносных овец, зверя стада всякого,
На цветущих лугах без сторожей пасущихся,
И серн ветроногих по горам скачущих.
Удивляются итальянцы, ибо аузонская сторона

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.